

Кадочникова И.С.,

кандидат филологических наук, ЧОУ ВО «Восточно-Европейский институт» (Ижевск)

Личная аксиология Игоря Чурбанова

Статья посвящена творчеству современного русскоязычного поэта Удмуртии И. Чурбанова, в частности, его книге «Список №3» (2013). Цель исследования – рассмотреть ценностную парадигму автора, которая в контексте современной эпохи, связанной с переоценкой всех ценностей, носит характер личной аксиологии. Ценностная шкала, развернутая И. Чурбановым в цикле «По слогам», позволяет говорить о свойственной поэту установке на созидание, на актуализацию тех существенных принципов отношения человека к миру, без которых эпоха погружается в онтологический тупик, а личность – в экзистенциальный кризис.

Ключевые слова: поэзия Удмуртии, современная поэзия, трансформация ценностей, личная аксиология, глобализация.

Определение лирики как разговора о ценностях, развернутое Л.Я. Гинзбург в начале 1960-х гг. [2, с. 11], в современных социокультурных обстоятельствах обретает новую актуальность, обеспеченную эпохальным аксиологическим сдвигом. При этом если в середине XX века мысль о том, что «по самой своей сути лирика – разговор о значительном, высоком, прекрасном...; своего рода экспозиция идеалов и жизненных ценностей человека», «но также и антиценностей» [2, с. 11], относилась к области теоретического (литературоведческого) дискурса, то в настоящее время понимание лирического высказывания через обращение к онтологической категории ценности позволяет осмыслить литературный факт в аспекте его соотнесенности с социально-философскими проблемами современности.

Говоря о тенденциях в поэзии начала XXI века, можно обозначить как минимум две противоположные линии ее развития, одна из которых восходит к эстетике постмодернизма, а другая – к классической традиции [3]. Эти тенденции очевидны не только в масштабе общероссийской литературы, но и в региональном контексте. Так, если рассматривать современную поэзию Удмуртии в данном ключе, то к авторам-постмодернистам можно отнести А. Корамылова, А. Гоголева, позднего А. Сомова. Продолжение же классической традиции находим в стихах С. Жилина, М. Зиминой, В. Фролова, М. Борисова, В. Шихова.

Как указывает И.В. Батуева в магистерской диссертации «Проблема идеала в современной женской поэзии», специфическая особенность нового поэтического высказывания – присутствие в его пространстве «чужого сознания и свойственной чуждому сознанию иной речи», что связано «с качественно другим пониманием действительности» [1, с. 31]. На уровне поэтики одним из проявлений данной тенденции является отказ от прямого слова и, соответственно, от категории лирического «я». В силу этого обстоятельства поэзия обретает как бы безличный (но не в коем случае не обезличенный) характер. Однако этой тенденции противостоит другая – не исключая категория лирического «я», поскольку ори-

ентированная, прежде всего, на классические образцы. Оба процесса, на самом деле, обусловлены одной и той же задачей, которая в каждом случае решается по-разному. Эта задача связана с авторским самоопределением относительно ценностных установок современности. Как отмечает исследователь Л.Н. Столович, рефлексировав по поводу современных философских исканий в области аксиологической проблематики, «необычайный интерес к проблеме ценности появился именно в XX столетии, которое своими многочисленными войнами... и политическими переворотами, тоталитарными режимами растопило такое множество ценностей культуры и ценностей миллионов человеческих жизней, как никакое другое предыдущее столетие <...> Однако, как это ни парадоксально, именно такое цинически пренебрежительное и реально-уничтожительное отношение к ценностям жизни и культуры, ценностный раскол в обществе предельно обостряет интерес и внимание к ценностям – как практическое, так и теоретическое» [8, с. 86-87].

И если «интенция “отстранения” себя от себя самого» [1, с. 32] позволяет автору отразить «полифоническое самосознание эпохи» [1, с. 34], то поэзия прямого высказывания направлена на фиксацию ценностной ориентации конкретной личности как самости и открытое утверждение гуманистических смыслов. Такое открытое декларирование высших ценностей обнаруживается в творчестве Игоря Чурбанова (г. Воткинск).

И. Чурбанов известен в Удмуртии, прежде всего, как автор и исполнитель фортепианной музыки, а также автор музыки песен для сольных исполнителей и партитуры для академических хоров. Однако он имеет и другую – поэтическую – реализацию и является автором трех книг стихов: «Флажок» (2000), «Экслибрис»⁶ (2002), «Антигладиатор» (2008). В 2013 г. в издательстве «Удмуртия» вышла четвертая книга – «Список №3», содержание которой, по словам самого автора, «действительно необычно и отлично от того, что было раньше», поскольку «в книгу вошли только

⁶ Об этой книге см.: [7].

новые стихи, а также впервые обнародованы тексты, записанные в форме рассказа, эссе или просто непривычные по форме» [11]. «Список №3» структурирован весьма специфически: он состоит из 4-х частей («Ткань», «Родословная», «Другое», «По слогам»), из которых только четвертая является не прозаической, а поэтической: цикл «По слогам» включает в себя 55 стихотворений, написанных в период с 2008 по 2013 гг. Максимально полно и системно миропонимание автора-поэта выразились именно в этой книге, точнее – в ее финальной части («По слогам»), осмысление которой позволит сделать вывод о ценностных установках И. Чурбанова.

Исходная точка поэтического философствования автора связана с констатацией «аксиологического драматизма» современной эпохи, уравнившей представление о счастье с «возможностью достижения материального благосостояния» [5, с. 13], что объясняется экономической ориентацией общества [там же]. Поэтому новый человек если и готов за что-то «гибнуть», то исключительно «За удобство, деньги, за карьеру, / За покой, известность, за комфорт», «И никто за правду и за веру / Не взойдет уже на эшафот» [11, с. 177]. Забвение сущностных понятий и норм, погружение в стихию беспамятства становится подлинной причиной экзистенциального кризиса:

Нам надобно ясную память
Друг другу в наследство дарить. <...>
Но только признаемся честно:
Разорвана древняя нить <...>
И, может быть, в этом причина
Цепи роковых катастроф,
Все дальше расходятся льдины.
Все тоньше священный покров» [11, с. 142-143].

При этом бездуховной и бездушной современности противопоставляется историческое прошлое, в котором, несмотря на его объективную катастрофичность, всегда было место «положительному гуманизму»:

Был XX-ый выкован из стали,
Голод, кровь и за войной война,
И друг друга, было, убивали,
Но была же, но была ОНА.
Воля. Вера. Жизненная сила,
Что пронизывала этот страшный век,
Где сквозь все трагедии светило,
Проступало имя – человек [11, с. 178]

XX-ый век, безусловно, связан в сознании поэта с высокими идеалами советской эпохи, совпавшей с молодостью биографического автора («Молодость моя всесоюзная», «Молодость моя просоветская!») [11, с. 218]). Эти идеалы в свое время сформулировал Б. Окуджава в стихотворении, аллюзия на которое содержится в процитированном тексте Чурбанова: «Совесть, Благородство и Достоинство / – вот оно, святое наше воинство. / Протяни ему свою ладонь, / за него не страшно и в огонь» [6, с. 60]. Так, если человек XX-го века «всегда готов» был к смерти за идеалы чести и достоинства, о чем свидетельствуют, в частности трагические судьбы русской писательской интеллигенции

минувшего столетия, то новый человек «за правду и за веру / Не взойдет уже на эшафот» (ср. также схожие характеристики эпохи у Окуджавы («Может, и не станешь победителем, / но зато умрешь как человек» [6, с. 60] и Чурбанова («Где сквозь все трагедии светило, / Проступало имя – человек»)).

Тема правды, безусловно, отсылает к проблеме слова, через которое формулируется истина, а тема веры – к идее Бога как нравственного стержня личности. Таким образом, ценности «правды» и «веры» – это ценности слова и Абсолюта (что, в сущности, есть одно и то же: «И слово было Бог»). С другой стороны, в контексте разговора о советской эпохе понятие «веры» («но была ОНА. // Воля. Вера»), скорее всего, связано не с религиозным смыслом, а с убежденностью в существовании и незабываемости высших категорий, определяющих бытие человека и мира, утверждающих априорность созидательного начала.

Таким образом, осмысляя два культурно-исторических этапа, И. Чурбанов противопоставляет современности не столько советское прошлое (как, например, это делает М. Зиминая [4]), сколько прошлое вообще – время, когда такое имя, как «человек», еще существовало, а сам человек понимался, прежде всего, как цель, но не средство. Коллизия, связанная с «обесчеловечиванием» мира, разворачивается в стихотворении «Киборг», где автор в трагико-ироническом ключе рефлексировал по поводу достижений техногенной цивилизации:

Но тревожней заявленье,
Что уже придуман чип
Тот, который человеку
Собираются вживлять,
Чтобы с ним ему от века
Всех на свете побеждать <...>
Чтобы стал умней, быстрее,
Память в сотни терабайт,
Рассудительней, наглее,
В общем, чтобы все alright.
Чип – надежд, тоски немного,
Чип – любить отца и мать,
Чип – отчизна, вера в бога –
Можно вставить, можно снять [11, с. 146-147].

Как отмечает Г.В. Малыгина, «многие ценности техногенной цивилизации, представлявшиеся ранее незабываемым условием прогресса и улучшения качества жизни, в настоящее время становятся под сомнение» [5, с. 14]. Эту мысль и развивает Чурбанов, дополняя список новых ценностей – помимо инноваций и прогресса – такими категориями, как мобильность мышления, рациональность, прагматизм. Через актуализацию английского выражения «alright» поднимается еще одна важная для времени проблема, связанная с процессом европеизации российской культуры, самобытность которой уже не рассматривается с позиции безапелляционного ценностного означивания. Кроме того, в словах «alright» имплицитно критикуется одна из самых очевидных установок современности – на оптимизм, позитивное мировосприятие, успех. Эти установки при всей своей

конструктивности уводят личность от подлинного духовного поиска, поскольку «внешнее» становится приоритетнее «внутреннего». И хотя современный человек не лишен представления о «вере», «любви», «надежде», но они уже «не проникают в ценностное ядро личности, оставаясь в ее внешнем слое» [5, с. 17], а «самореализация подменяется функциональной активностью» [10, с. 168]: «Но всего важнее дело, а не вера и любовь» [11, с. 146]. В свою очередь глубокие и даже болезненные переживания (тоска), чувство родины, Бога, любви становятся не итогом внутренних исканий личности, а, находясь в ее поверхностном слое, легко деактуализируются, нивелируются, потому что человек в любой момент может от них отказаться («Можно вставить, можно снять»).

Фиксируя портрет человека новой эпохи, автор приходит к выводу о тотальной разобщенности как характеристике современного общества, где понятие «народ», осмысленное русской классической литературой и философией через представление об идеале соборности, подменяется понятием «электорат» («Был народ, а стал электорат» [11, с. 178]). Так в творчестве автора обозначается еще одна важная проблема – проблема личности и государства, решение которой сближает творчество Чурбанова с художественной системой другого воткинского поэта – Владимира Парамонова (1945-2001).

Вопрос об историческом пути России актуализируется в стихотворении «Мчится поезд синий-синий...», образный ряд которого восходит и к поэме Блока «Двенадцать» («И рукасты, и плечисты, / На спине бубновый туз, / Virtuозы-машинисты / Обеспечивают курс» [11, с. 161]), и к финалу «Мертвых душ» Гоголя («Под названием Россия / Мчится поезд, а куда?» [11, с. 161]). Паратекстуальный уровень (эпиграф «Наш паровоз, вперед лети...») отсылает к популярной в 20-е годы советской песне, написанной комсомольцами Киевских главных железнодорожных мастерских:

Мы дети тех, кто наступал
На белые отряды,
Кто паровозы оставлял
И шел на баррикады.

Притев:

Наш паровоз, вперед лети!
В Коммуне остановка,
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.
Пойдем на бой мы, сыновья,
В рядах с отцами вместе,
Мы бьем врага – одна семья,
Горя единой мезью [12].

О том, что эта песня стала одним из претекстов стихотворения Чурбанова, свидетельствует не только эпиграф, но и почти прямая цитата: «Мчится поезд, жаром топки / Обдаёт, а впереди – / Ни коммуны, ни винтовки, / Ни обратного пути» [11, с. 161]. Однако текст и претекст раскрывают две противоположные модели поведения личности в истории. В песне декларируется идеал активного деяния, героизма и при-

знание за человеком роли участника исторического процесса: «Наш паровоз...» был написан в эпоху, когда народная масса впервые осознала себя субъектом истории. В стихотворении, напротив, подчеркивается пассивная позиция современного человека, который, будучи ведомым несправедливой властью («На спине бубновый туз, / Virtuозы-машинисты обеспечивают курс»), либо занимает безучастную позицию, всецело доверяя свое будущее государству («И чего-то каждый ждет, / Бригадир сказал – Вперед!»), либо становится жертвой истории, средством для достижения властью только ей известных целей («Кто мы, я не понимаю, / Пассажиры иль дрова?»). С этой внутренней слабостью отдельно взятого индивида («И не сыщешь на свете лекарства / От того, что больнее всего – / От безвольной руки государства, / От бессилья себя самого» [11, с. 170]) сопряжен для Чурбанова драматизм судьбы русского народа, превратившегося в «несознательную массу», способную на протест как выражение личностной позиции:

Вороват народ, ленив и дик,
В общем, несознательная масса,
И глядит, как скверный ученик –
Вдруг возьмут и выгонят из класса [11, с. 193].

Таким образом, дискредитация гуманистических установок и в первую очередь значимости человека как такового связана, по мысли автора, во-первых, со сменой мировоззренческой ориентации человечества в целом, когда – в силу глобализационных процессов – вечные ценности заменились антиценностями [8], а во вторых – с внутренними политическими обстоятельствами постсоветской эпохи, в очередной раз обострившими проблему личности и государства: «Слышен клич: “Давай, вперед Россия! / Видишь, свет сияет впереди!” / Только что бы там ни говорили, / Все попереломано внутри» [11, с. 177].

Парадоксальность современной аксиологической ситуации, с точки зрения Г.В. Малыгиной, состоит в том, что «высшие ценности перестают быть общезначимыми, а ценности, распространяемые глобализацией, не могут выступать в роли мировоззренческих универсалий» [5, с. 13]. В этой связи единственным преодолением возникшего онтологического тупика может стать формирование личной аксиологии, когда вечные идеалы, утратившие общезначимый и общераспространенный характер, осознаются конкретным субъектом как его «индивидуальные» ценности и через их объективацию обретается внутренняя сердцевина личности. Именно такова логика ценностного означивания мира, предпринятая лирическим героем И. Чурбанова и, соответственно, самим биографическим автором. Исходная позиция для утверждения личной аксиологии, обладающей спасительным смыслом, – позиция сопротивления, согласно которой человек не просто критически оценивает происходящее, но и максимально рефлексивен по поводу собственного участия в бытии, собственного предназначения:

Любовь, сострадание, вера,
Способность прожить для других

Являются истинной мерой,
А мы потихоньку. Без них.
Ты можешь, конечно, сослаться,
Что мол, времена не весьма,
Но все же придется признаться –
Утратила свойства страна <...>
И чтобы собою остаться
Есть выход один, господа –
Давайте сопротивляться,
Сопротивляться всегда [11, с. 158-159].

Главной ценностью автором провозглашается человек как таковой – в его бытийственном измерении. Наиболее показательна авторская философская антропология развернута в стихотворении «Точка», в котором можно уловить влияние А. Тарковского:

Я один внизу под небосводом,
Что-то вроде точки с запятой,
В словаре русского народа
Не отмечен даже прописной.
Но гляжу на все с земли и с неба,
И в моей округлой голове
Весь простор, где был и даже не был,
Гордо реял всюду и нигде<...>.
Все, что будет, все, что было прежде,
Всех событий пестрые рои,
Все ошибки, домыслы, надежды –
Все ложится в плотные слои <...>
Человек от отчего порога
Мир живит... [11, с.183-185].

Аналогия со стихотворением А. Тарковского «Посредине мира» – очевидная (ср.: За мною мириады инфузорий, / Передо мною мириады звезд. / Я между ними лег во весь свой рост <...> Держа в руках часы и календарь, / Я в будущее втянут, как Россия, / И прошлое клян, как нищий царь» [9, с. 198]). В финале стихотворения Тарковского утверждается отнюдь не величие и всемогущество человека, а его бессилие перед природным – божественным – началом: «И – Боже мой – какой-то мотылек, / Как девочка, смеется надо мною» [9, с. 198]. Схожая мысль сформулирована в стихотворении Чурбанова («Я один внизу под небосводом, / Что-то вроде точки с запятой»). Но, по мысли автора, человек – «песчинка в этом мире» (Б. Паскаль) – через открытость и сопричастность всему (земле и небу), через осмысливание связи прошлого и будущего получает высокий онтологический статус, становясь микрокосмом, возвращающим целостность универсуму («мир живит») и в подлинном смысле обретающим себя посредством вписанности в общий поток бытия, посредством соборного единения с другими, что позволяет осознать себя как часть Космоса, истории, народа, прийти к пониманию своего места в мироздании:

Я поутру различаю –
Если гудок –
Толпы вселенных шагают,
Слившись в поток.
Будто бы рой мирозданий
Сонных чуть-чуть –

Тысячи Саней и Маней,
Как млечный путь<...>.
Вот я выхожу из подъезда,
Следом иду,
Чтобы найти себе место
В звездном ряду.
И проникаю привычно
В этот поток... [11, с. 189]

С точки зрения автора, единственной мерой истины является сам человек, оттого и так высока степень его ответственности перед сущим. Личность, будучи «ценностным центром» (М.М. Бахтин), определяет не только собственное бытие, но и характер истории, мировоззренческую парадигму эпохи, поэтому от духовно-нравственного выбора отдельно взятого человека зависит судьба всего мира: «И лишь в устройстве собственного нрава / Возможно долю истины найти... / Все окоемы, все метаморфозы / Сойдутся в точке. Точка – это ты. // Ты сам решаешь, что и вправду страшно...» [11, с. 202].

Такой взгляд на человека позволяет утвердить его как непреложную ценность. Поэтому особой значимостью для лирического героя Чурбанова обладает идеал человеколюбия, осмысленного как сострадание. Об этом, например, стихотворение про «существо с поломатым хвостом». Центральный образ текста связан с идеей внутреннего излома, трагизма чужого одинокого бытия, через глубоко личностное понимание которого в герое по-настоящему рождается человек:

Только в главном мы, видимо, тоже
Существа споломатым хвостом.
Ни собак не касайтесь, ни кошек,
После руки хоть мой, хоть не мой,
Эта штука невзрачная может
Заразить вас такою тоской.
В ваших жилах поселится вирус
Сожаления и любви,
И все то, что не защитили,
Недоплакали, недолюбили,
Недогребели, недосветили...
Все тогда всколыхнется внутри [11, с. 152-153].

Другим примером, иллюстрирующим важность ценности сострадания в личной аксиологии Чурбанова, является стихотворение «Голубой дрожащий маячок / Взмыленного реанимобиля...», герой которого «чью-то боль», связанную со смертью близкого человека, переживает как собственную:

Не унять мне горьких укоризн –
Отчего все так, а не иначе?
И чужая гаснущая жизнь –
Для кого-то редкая удача.
Незаметно пройдена межа.
Мы, как звери, носимся по полю,
И покрылась ржавчиной душа,
Как шоссе, посыпанное солью [11, с. 198].

Осознание ценности чужой жизни – ближнего и дальнего – возможно лишь при условии обостренного чувства ее скоротечности, которое постоянно сопро-

вождает лирического героя: «Золотится искра божья, / Нам, порой, и невдомек, что горит неосторожно / Человек-фитилек <...> Это значит, что сгорает, // Где-то рядышком горит» [11, с. 150]. Поэтому закономерно, что с темой сострадания в творчество И. Чурбанова входит мотив больного сердца («А сердце вспоминает валидол» [11, с. 196], «В отделении сердечном / Препараты вводят в кровь» [11, с. 156]). Но, лично переживая хрупкость мира и чужой жизни, растрчиваясь в этом переживании и одновременно понимая, «что сердечные траты / Нам пожизненно необходимы» [11, с. 141], герой обретает подлинное бытие как данное Богом («И нет никакого сомненья, / Что самый большой командир / По имени Провиденье / Вручил нам сверкающий мир» [11, с. 142]), в котором ценность другого соотносится с ценностями родины, рода, народа, и через них герою открываются и смысл бытия как такового и – соответственно – личные жизненные смыслы.

Так, воспринимая категорию «России» как явление духовного порядка и в логике гоголевской традиции противопоставляя ее идее государства («Куда? Куда ты мчишься, тройка-Русь, / Уж сотни лет нас вопрошает классик? / Куда мы все, и я куда качусь / По обновленной федеральной трассе» [11, с. 199]), автор вопреки всем глобализационным и космополитическим установкам современности утверждает идеал любви к родине:

Мы в России, значит, не попишешь.
Ты живешь, ее туманом дышишь,
Ну, а кто-то даже может петь.
Упоительна судьба под этим небом,
Упоительно зима танцует в белом,
И жары надраенная медь [11, с. 139].

Ценностное означивание родины как итог духовного поиска позволяет утвердиться в единственности и онтологичности личной судьбы, благодарное принятие которой позволяет преодолеть трагизм, связанный с осознанием невечности собственного бытия («Упоительно во всем искать идею, / И вдоль колеи бежать быстрее, / И минувшей жизни не жалеть» [11, с. 139]).

Но с пространством родины сопряжена не только личная судьба (при этом и судьба родины осмысливается как личная⁷), но и судьба рода. Так, в стихотворе-

⁷ Ср. с прозаическим текстом И. Чурбанова, где герой определяет себя через понятие «Россия»:

Тихо. Только ветер временами непонятно откуда доносит слова...

Говорит радио России... Радио России – настоящее радио!

Настоящее радио... Настоящая Россия...
...стоящая Россия... стоящая... Россия...
...таящая Россия... та...еще... Россия...
...тающая Россия... тающая... Россия
...то...щая Россия... то...щая... Россия
...Россия... Рос...си...я
...рос...и...я...
...рос...
...и...я...
...и...я...

нии «Александру О.» рассказывается о травматичном психологическом опыте друга, который только что пережил невосполнимую утрату: «На соседском деревенском кладбище... Он, как прежде, встретится с родней» [11, с. 200]. При этом переживания другого, близкие лирическому герою, актуализируют в сознании говорящего мысль о бессмертии рода, о преодолении небытия благодаря спасительной силе памяти («Там объятья, крики, восклицания, / Тихий смех, домашняя еда, / Поплывут дымком воспоминания, / Возвращая в детские года» [11, с. 200]). В конечном счете и лирический герой, и его друг обретают очищение через катарсис, наполняясь верой в вечность бытия отдельного человека, который, однажды возникнув, будет всегда пребывать в мире:

И увидел радостно, без боли,
Всех родных, ушедших в синеву,
Шли они по голубому полю,
Шли, светясь, по голубому полю,
Не примяв лазурную траву [11, с. 201].

Наконец, с родиной сопряжена судьба целого народа, который, несмотря на «генетически» свойственную ему пассивность и бессознательность («То дитя-народ проплет зарплату» [11, с. 219]), все же таит в себе высокие духовные устремления. И об этом – финал стихотворения «Я, как прежде, в поисках героя...», равно как и финал всей книги «Список №3», отсылающий к тютчевской формуле, согласно которой «в Россию можно только верить»:

Погляди вокруг усталым взглядом,
Кто там дышит сбоку, может, тот,
Кто с тобою вместе или рядом
И знаком под именем народ?
Никому на свете не измерить,
Не достать глубин его реки.
Он герой уже за то, что верит,
Верит даже жизни вопреки [11, с. 220].

Так утверждается идеал «мудрости народной» [11, с. 179], духовной глубины русского человека – то есть те архетипические представления, результатом дескриптации которых и стало трагическое возвращение нации в лоно «ветхого самосознания».

Таким образом, ценностная шкала, развернутая И. Чурбановым в цикле «По слогам», позволяет говорить о свойственной автору установке на созидание, на актуализацию тех сущностных принципов отношения человека к миру, без которых эпоха погружается в онтологический тупик, а личность – в экзистенциальный кризис. В условиях современной социокультурной ситуации, характеризующейся переоценкой всех ценностей, жизнь может обрести высокий смысл, если всем «разрушительным» вызовам времени человек противопоставит личную аксиологию, истинность которой, на самом деле, проверена не одним столетием.

...я
... [11, с.24]

Список литературы:

1. Батуева И.В. Проблема идеала в современной женской поэзии: магистерская диссертация. Ижевск, 2017. 138 с.
2. Гинзбург Л.Я. Гинзбург Лидия. О лирике. М.: Интрада, 1997. 409 с.
3. Зайцев В.А. О художественно-стилевых течениях в русской поэзии XXI века // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2009. № 4. С. 13–38.
4. Кадочникова И.С. Проблема территориальной идентичности в лирике М. Зиминой // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. 2013. № 2. С. 168–181.
5. Малыгина Г.В. Трансформация ценностей в эпоху глобализации как социально-философская проблема // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 12–18.
6. Окуджава Б. Стихи. Рассказы, Повести. Переиздание. Екатеринбург: У-Фактория, 1999. 576 с.
7. Серова М.В. «Из пустоты не прорастает слово»: предисловие к сборнику стихов Игоря Чурбанова «Эклибрис» (Ижевск, 2002) // Серова М.В., Кадочникова И.С. Проблема художественной индивидуальности в литературе Удмуртии. Ижевск: Шелест, 2016. С. 172–173.
8. Столович Л.Н. Об общечеловеческих ценностях // Вопросы философии, 2004. № 7. С. 86–97.
9. Тарковский А.А. Стихотворения. М.: Эксмо. 2006. 480 с.
10. Супрун В.И. Ценности и социальная динамика // Наука и ценности. Новосибирск, 1987. С. 158–170.
11. Чурбанов И.Ю. Список №3. Ижевск: Удмуртия, 2013. 224 с.
12. Наш паровоз. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/narod/nachparovoz.php>.

Kadochnikova I.S.

Personal axiology of Igor Churbanov

The article is devoted to the work of the contemporary Russian-speaking poet in Udmurtia Igor Churbanov, particularly to his book "List № 3" (2013). The purpose of the study is to examine the paradigm of the author's values that in the context of the modern era related to the revaluation of all values, is in the nature of the personal axiology. The value scale explicated by Igor Churbanov in a series of «By syllables» lets us speak about the characteristic of the poet who is determined to the creation, to the actualization of those essential principles in the relations of the human to the world, without which the era is immersed in an ontological impasse, and a person is plunged into in an existential crisis.

Keywords: *Udmurt Republic's poetry, modern poetry, transformation of values, personal axiology, globalization.*